

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Медведев В.И. Значение как категория социально-гуманитарного познания: к вопросу о специфике наук о человеке // Философская мысль. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.5.73043 EDN: SYBBVL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73043

Значение как категория социально-гуманитарного познания: к вопросу о специфике наук о человеке

Медведев Владимир Иванович

доктор философских наук

профессор; кафедра философии и социологии; Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

190008, Россия, г. Санкт-Петербург, Ленинский, 101, ауд. 501

✉ 21medvedev.vl@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.5.73043

EDN:

SYBBVL

Дата направления статьи в редакцию:

16-01-2025

Аннотация: Предметом анализа является роль категории значения в социально-гуманитарном познании. В. Дильтея утверждал, что главными категориями гуманитарного познания («наук о духе») являются не причина и следствие, а цель, ценность и значение. Действительно, человеческим действиями мы обычно даем не каузальные, аteleологические объяснения. Действия изначально воспринимаются как интенциональные. Интенции (намерения) при этом нельзя считать причинами человеческих действий и исторических событий в естественнонаучном смысле. В интенциональных действиях мы реагируем не на предметы и ситуации как таковые, а на их значение. Значение – это новая сторона предметов и явлений, которая появляется в мире целесообразно действующих существ. Предметы и явления приобретают значение по отношению к нашим целям. Анализируются идеи сторонников и критиков натуралистической трактовки особенностей наук о человеке и обществе. Сторонники натуралистического подхода в социально-гуманитарном познании стремятся избавиться от значений, свести материал гуманитарного познания к тому, что доступно внешнему

наблюдению. Такой подход обосновывался в философии логического позитивизма, а в социологии – Э. Дюркгеймом и бихевиористами. Однако последовательно провести такой подход не удается. И Дюркгейм, и бихевиористы ссылались в конкретных случаях на значения. Там, где есть целесообразно действующие существа, есть значения. Каждая культура – это мир значений. Принятые в данной культуре способы понимания значений усваиваются нами в процессе социализации. Значения фиксируются и осознаются в языке. Но осваивается мир значений практически – в ходе развития жизнедеятельности ребенка и освоения им форм жизнедеятельности, характерных для данной культуры. Центральный характер понятия значения в гуманитарном познании препятствует перенесению в него естественнонаучных методов. Критикуется сциентистская интерпретация психоанализа, утверждается, что он работает именно в поле значений. Доказывается, что рассуждать о социальной и человеческой жизни, игнорируя мир значений, невозможно.

Ключевые слова:

значение, гуманитарное познание, каузальное объяснение, телеологическое объяснение, причина, цель, интенциональность, интерпретация, натуралистический подход, понимающая социология

Вопрос о том, меняется ли что-то принципиально, когда предметом познания становится не природа, а человек и общество, издавна ставился в философии. Дискуссии на эту тему интенсифицировались в XIX в. Связано это, в частности, с тем, что в этом столетии психология и социология, которые до этого были скорее разделами философии, обрели статус самостоятельных конкретных наук. Анализ категории «значение» заслуживает внимания в связи с этими дискуссиями, которые продолжились и в XX-XXI вв.: такой анализ способен внести вклад в рассмотрение вопроса о специфике социально-гуманитарного познания.

Одним из первых в неклассической философии идею принципиального отличия гуманитарных наук («наук о духе») от естественных пытался обосновать, как известно, В. Дильтей. Среди важнейших отличий он называл то, что в естественно-научном познании важнейшими категориями являются причина и следствие, в то время как в гуманитарном – цель, ценность и значение. В историческом мире и человеческом поведении, считает Дильтей, нет причинности в естественно-научном смысле, когда одно событие в соответствии с некоторым законом с необходимостью вызывает или производит другое. Здесь есть лишь воздействие и страдание, действие и противодействие [\[1, с. 138\]](#). С этим можно согласиться. Возьмем какую-нибудь типичную ситуацию. Например, преподаватель выгнал с лекции студента, который все время болтал. Можно ли считать тот факт, что он болтал, причиной действий преподавателя? Вряд ли. Не исключено, что он болтал и раньше, что, однако, не приводило к его изгнанию с лекции. Вполне возможно, что с преподавателем произошло что-то неприятное по пути на лекцию: ему, например, нахамили в общественном транспорте, или подрезали на дороге, если он ехал на автомобиле. Или перед лекцией он имел неприятный разговор со своим начальством. Из-за этого он пришел на занятия раздраженным. Значит ли это, что причиной действия преподавателя было это? Тоже вряд ли. Подобные вещи могли влиять на поведение и решения преподавателя. Но раздражение могло проявиться совсем в других формах. Поэтому причинной связи между событиями здесь нет. Есть лишь воздействие, о котором и писал Дильтей. Или возьмем пример Х. фон Вригта. Можно ли считать сараевское

убийство причиной Первой мировой войны? Он считал, что, если и да, то в другом смысле – не в том, в каком мы говорим о причинных связях в природе. Оно не вызвало войну с необходимостью естественного закона, как искра вызывает взрыв бочки с порохом. Оно изменило мотивационную основу поведения Австро-Венгрии, австрийский ультиматум, предъявленный Сербии, изменил такую же основу решений России и т. д. [\[2, с. 169-171\]](#)

Установление каузальных законов является одной из важнейших задач науки. Естественные науки эту задачу так или иначе выполняют. Но формулировка каузальных законов человеческого поведения, как неоднократно отмечали философы и социологи после Дильтея, является гораздо более сложной задачей, вряд ли вообще осуществимой. Об этом писал, в частности, Г. Зиммель, взгляды которого относительно специфики гуманитарного познания аналогичны идеям Дильтея. Психология, социология и метафизика имеют дело с настолько сложными объектами, что выделять в этих сплетениях разнообразных сил однозначные связи между отдельными факторами невозможно. В психологии из одного аффекта могут вытекать противоположные последствия в зависимости от других сопутствующих факторов. Зиммель приводит такой пример. Можно ли считать общим законом утверждение, что разлука усиливает любовь? Нет, потому что не всегда и не всякую [\[3, с. 304-308\]](#). А сможем ли мы сформулировать условия, при которых этот закон все-таки будет действовать? Тоже вряд ли. Слишком много факторов нужно будет учесть. А если мы все-таки это сделаем, наше утверждение потеряет характер общего закона. Важно и то, что в порядок причин наших действий в разнообразных ситуациях нужно будет обязательно включать уровень наших знаний, накопленный опыт нахождения в подобных ситуациях и т. д. Все это делает фактически невозможным предсказание человеческих действий.

В XX в. была сформулирована классическая схема научного объяснения – схема Поппера - Гемпеля. Согласно ей, объяснение любого события может быть дедуктивно выведено из двух групп утверждений: 1) универсальных высказываний, то есть формулировок общих законов и 2) утверждений о начальных условиях события. Так можно объяснить, например, почему на морозе лопнул радиатор – мы сошлемся на ряд общих законов и введем начальные условия события (температуру воздуха, прочность корпуса радиатора и т. п.). К. Поппер был уверен, что таким образом объясняются и человеческие действия. В своих объяснениях конкретных исторических событий историки, как считает Поппер, используют массу тривиальных законов, которые не формулируются ими явно: например, что одна армия никогда не победит другую, если при примерно одинаковом вооружении и искусстве полководцев вторая имеет значительное превосходство в живой силе. Поэтому, по его мнению, гуманитарные науки принципиально не отличаются от естественных. Реальным является различие теоретических обобщающих наук, которые интересуются общими гипотезами и их проверкой, и прикладных, нацеленных на объяснение и предсказание конкретного события [\[4, с.302-306\]](#). Историки решают те же задачи, что и представители прикладных дисциплин.

Эти идеи вызвали в 50-60-е гг. XX в. оживленную дискуссию об объяснении в гуманитарных науках. В основном ее участники рассматривали вопрос о том, действительно ли эта схема используется в исторических объяснениях. Противники универсальной схемы объяснения утверждали, что мы понимаем действия людей, не подводя их ни под какие общие законы, даже если это – тривиальные законы, которые не формулируются явно. Например, когда историк пишет, что Марк Антоний задержался в Египте из-за любви к Клеопатре, за этим объяснением не стоит никакой общий закон.

«Закон», утверждающий, что все влюбленные стараются дольше задержаться возле предмета своей любви, было бы легко фальсифицировать, приведя контрпримеры. При этом, нам вполне понятно, что произошло с Марком Антонием [\[5, р.415-417\]](#). Критики схемы Поппера - Гемпеля сходились на том, что исторические и социологические объяснения делают поведение людей понятным и рациональным, но не делают его теоретически предсказуемым. Кстати, почему обязательно рациональным? Нерациональные действия могут быть вполне понятны также.

Применительно к человеческим действиям по-английски часто употребляется не слово *cause*, а слово *reason*. Аналогичные различия есть и в других европейских языках. Интересно, что в английском толковом словаре дается такое значение слова *reason*: «*the cause or explanation for something that has happened or that someone has done* (причина или объяснение чего-то, что произошло или было кем-то сделано)» [\[6, р. 1183\]](#). Но после этого даются примеры исключительно человеческих действий: «причина (*reason*) того, что я купил это...», «единственной причиной (*reason*) того, что я ушел, было...» и т. п. Примеров естественных событий (*something that has happened* - того, что произошло, но в природе) в статье нет. Поэтому, хотя и *cause*, и *reason* мы будем переводить на русский как «причина», различие между ними как двумя видами причин не должно уходить из внимания. В русском тоже используется слово «резон» (пришедшее из французского). Правда, оно употребляется не так часто и выглядит устаревшим. В большинстве случаев, переводя на русский английское слово *reason*, мы напишем все-таки «причина», а не «резон». Резон в русском – это скорее мотив, а не причина: «какой мне резон делать это?», могли бы мы спросить в какой-то ситуации. Хотя звучит это как устаревший оборот, резон, как и *reason* – это не «почему», а «для чего».

Поскольку люди делают что-то не просто «почему», а «для чего» или «зачем», человеческим действиям мы даем не каузальные, а телеологические объяснения. Телеологическое объяснение отвечает на вопрос, зачем *X* что-то делал, каковы были его намерения. В случае неудачи мы можем каузально объяснить потом, почему *X* не удалось то, что он задумал. Но любое действие сначала интерпретируется интенционально. Фон Вригт доказывал, что интенции (то есть намерения, но это можно было бы сказать и о «резонах») не являются обычными «юмовскими» причинами наших действий. Юмовские причины обладают логической независимостью по отношению к следствиям. А намерение невозможно верифицировать независимо от верификации успешности интенционального действия. При этом телеологически объяснять можно только уже интенционально истолкованные события, то есть действия [\[2, с. 125-140, 148-154\]](#). Как писал Т. Парсонс, для физика прыжок с моста (самоубийство) является событием, а для социолога – действием [\[7, с. 277\]](#). А там, где речь идет о действии, есть интенциональность, есть цели и значения. С оговоркой, конечно, что не все человеческие действия интенциональны – есть чисто реактивные и такие, которые представляют собой автоматическое следование обычай или норме.

В случае интенциональных действий важно то, что мы реагируем не просто на ситуацию, которые можно описать через внешние наблюдаемые характеристики, а на их значение. Это понятие Дильтея называл важнейшей категорией исторического мышления [\[1, с. 139\]](#). Эта категория характеризует отношение элементов к целому. Момент прошлого значим, т. к. он имеет отношение к будущему, к целому нашей жизни [\[8, с. 132-133\]](#). Это касается и истории, и отдельной человеческой жизни. Противники дильтеевской линии в трактовке наук о человеке – сторонники натуралистического подхода – хотели бы избавиться от

значения как от того, что принципиально отличает науки о человеке от естественных и препятствует достижению единства научного знания. Натуралисты от О. Конта до бихевиористов считают, что в социально-гуманитарных науках должны использоваться те же методы, которые принесли успех естествознанию – наблюдение, эксперимент, и, по возможности, измерение. Социальные факты нужно изучать как вещи, писал Э. Дюркгейм, отделяя их от человеческих мыслей и чувств, фиксируя их по внешним, наблюдаемым признакам [\[9, с. 65, 78-79\]](#). Классик бихевиоризма Б. Ф. Скиннер призывал отказаться от объяснений человеческого поведения со ссылками на мысли, идеи, стремления, установки и т. п. ненаблюдаемые сущности. Нужно изучать то, что наблюдаемо – зависимость поведения от реакции окружения, забыв про вышеперечисленные ментальные сущности [\[10\]](#). Натуралистическая линия получила обоснование в философии логического позитивизма. Р. Карнап и О. Нейрат доказывали возможность психологии и социологии на физикалистском языке [\[11; 12\]](#). В нем качественные термины физикализируются за счёт связывания их с количественно определимыми физическими величинами (например, цвет – с длиной волны). Утверждения с психологическими терминами (типа «Х взволнован») должны при этом переводиться в утверждения исключительно с физиологическими терминами, фиксирующими изменение состава крови Х, артериального давления, частоты пульса и т. д. Психология должна стремиться к такого рода утверждениям, если она хочет стать «настоящей наукой», конечно. В социологии все события должны определяться через внешне наблюдаемые свойства и движения.

Критики натуралистического подхода писали, что социальные события невозможно даже идентифицировать без ссылки на мотивы и взаимные ориентации участников. Что делает лекцию лекцией? Расположение и движение участников, или сеть взаимных ориентаций, существующая между ними? Думается, что второе. Кроме того, критики неоднократно упрекали сторонников натуралистического подхода в том, что в конкретных случаях они оказываются неспособны осуществить свои принципы во всей их чистоте, и при объяснении человеческих действий постоянно ссылаются на то самое значение. Последователи феноменологической социологии А. Щюца, например, обращали внимание на то, что Дюркгейм в своей книге о самоубийствах постоянно апеллировал к социальным значениям. В частности, когда он объяснял, почему у образованных евреев уровень самоубийств не выше, чем у необразованных, в то время как у представителей других национальностей и религий образованные, как правило, больше склонны к самоубийствам [\[13, с. 91-93\]](#). Дюркгейм связывал это с особым значением, которое имело образование для евреев в условиях существовавших тогда во Франции и в других странах Европы ограничений. Те, кто смог его получить несмотря на ограничения, уже из-за этого чувствовали собственную состоятельность. Вряд ли такого рода отношение можно зафиксировать как факт на основе чисто внешнего наблюдения. То же самое можно сказать и о бихевиоризме: последовательно провести его методологические принципы не удавалось. Сам Скиннер признавал, что априорно, то есть независимо от конкретной ситуации, сказать, какой стимул будет положительным подкреплением, невозможно [\[14\]](#). Пища, конечно, является положительным подкреплением, но для голодного. В человеческом обществе существуют обобщенные подкрепления, например, деньги. Но одна и та же сумма будет стимулом для разных людей в разных ситуациях в очень разной степени. То есть, по сути дела все и здесь зависит от значения – от той самой ненаблюдаемой ментальной сущности.

Понятие значения связано с понятием цели. Значения – это новая сторона действительности, которая появляется в мире, где есть целесообразно действующие

существа. Предметы и ситуации приобретают для таких существ определенное значение по отношению к их целям. Целесообразно действующими существами являются, конечно, не только люди, но и животные. Для них предметы и явления также имеют то или иное значение. Но вряд ли животные это значение осознают. В отличие от людей. В биологии, по мнению фон Вригта, часто даются так называемые квазителеологические объяснения. Например, что дыхание учащается при физических нагрузках для того, чтобы компенсировать потерю кислорода. Но такие объяснения на деле аналогичны каузальным. По-настоящему мы объясним это явление тогда, когда поймем, как уменьшение содержания кислорода в крови детерминирует учащение дыхания [\[2, с. 185-187\]](#). Давая квазителеологическое объяснение, мы вовсе не предполагаем, что дыхание как субъект реагирует на потребность организма. Действия же животных часто бывают вполне интенциональными и могут объясняться телеологически. Разница именно в том, что вряд ли собственные интенции и связанные с ними значения животными осознаются.

Натуралистический подход к социально-гуманитарному познанию стремится оставить в науках о человеке и обществе исключительно каузальные объяснения. Современным примером этого являются надежды когнитивистов объяснить всю нашу духовную деятельность нейрофизиологией мозговых процессов. Эти процессы (динамическая самоорганизация мозга) формируют у нас, по выражению Т. Метцингера, «иллюзию Я» [\[15, с. 10, 19, 266-267\]](#). Это, конечно, восстанавливает «материальное единство мира», растворяя сознание и самосознание в нейрофизиологии. Но возникает вопрос: а кто является субъектом подобных исследований, если человеческое Я, субъективность (даже скорее субъектность) – это иллюзия? Тогда подлинный «субъект» любого исследования – нейрофизиологические процессы. Тот же Метцингер призывает ценить и отстаивать автономию сознания, да и вообще рассуждает от первого лица, ставящего цели исходя из определенных ценностей. Если всерьез принять позицию, что никаких Я нет, есть лишь динамика нейронов, то эти призывы теряют не только адресата, но и оправдание. Признание целей и ценностей как специфической стороны мира целесообразно действующих существ возвращает мир и значения.

Значения (идеальная, социально-функциональная сторона предметов) фиксируются и осознаются в языке. Они воплощаются и в создаваемых человеком искусственных орудиях продуктах труда. Но там они неотделимы от материального субстрата. Знак же – это особый предмет, функциональное бытие которого поглощает его вещественное существование [\[16, с. 21-27\]](#). В определенных ситуациях предметы становятся знаками самих себя. Например, вместо меню посетителю ресторана можно было бы предъявлять входящие в меню блюда. Но в том-то и дело, что для исполнения этой функции реальные блюда в их вещественной сути не нужны, и их можно заменить знаками. Как для функционирования в качестве денег (средства обращения) не важны физические свойства золота или бумажных денежных знаков. А у знаков языка функция означивания становится основной. Важно, что язык – это не просто средство общения. Человеческое средство общения несет в себе социально-исторический опыт выделения назначения (а, значит, и значения, смысла) предметов и явлений окружающего нас мира, опыт их анализа, классификации, обобщения и т. д. Каждая культура – это мир значений. Мы живем в этом мире. Наши действия формируются и приобретают смысл в мире значений определенной культуры и эпохи. В процессе социализации мы усваиваем принятые в нашей культуре способы понимания (интерпретации) значений. Это подчеркивали представители феноменологической социологии. В результате, каждый из нас одновременно формируется как человек и как представитель определенной эпохи и культуры.

Важно и то, что слова не просто обозначают, кроме денотата (обозначаемого) компонентом значения слов являются коннотации – эмоционально-оценочные компоненты значения. Поэтому этимология слов часто раскрывает нам черты мировоззрения прошлых эпох. Например, слово «благородный», которое сейчас употребляется для характеристики нравственных качеств, этимологически говорит о происхождении человека. Это напоминает нам о тех временах, когда нравственные качества напрямую связывались с происхождением, с различием благородных и низких. «Подлый люд» – это слово также было в первую очередь характеристикой происхождения, а соответствующие нравственные качества предполагались как естественное его следствие. Аналогичным примером является слово *courtesy* в английском. Сейчас это просто «любезность», или «вежливость». Но происходит оно от слова *court* – «двор». И свидетельствует об эпохе, когда подлинная любезность связывалась с придворными кругами. Именно в коннотациях часто гнездится идеология, что подчеркивал Р. Барт [17, с. 314-316]. Называя и описывая, мы оцениваем. Особенно, если это касается социальных событий. Что-то происходит на улицах. Как назовут это журналисты – «акции протеста», или «уличные беспорядки»? Усвоение языка со всеми его мировоззренческими коннотациями – важнейшая составляющая процесса социализации. С языком мы усваиваем и отношение, и оценки различных явлений, характерные для разных эпох и культур.

Феноменологическая социология – важнейшее направление понимающей социологии XX в. – подчеркивала, что понимание значений – это не какой-то особый метод «наук о духе». Как писал А. Щюц, субъективная интерпретация значений – это часть повседневной жизни любого человека, она является практическим умением, которое формируется в процессе первичной социализации [18, с. 26, 58]. Способы понимания значений, характерные для нашей культуры, кажутся нам само собой разумеющимися, мы не осознаем их как особые способы интерпретации. Лишь сталкиваясь с представителями других культур, мы можем осознать специфичность мира значений своей культуры. Разрушение естественно текущих ситуаций способствует такому осознанию. Можно вспомнить как основатель этнometодологии Г. Гарфинкель (последователь Щюца) давал своим студентам-социологам задания делать что-то, выходящее за рамки «само собой разумеющихся» норм: начать торговаться в универмаге, или вести себя как квартирант с родителями дома. При этом, как он считал, выходят наружу и становятся заметными фоновые ожидания, связанные как раз с «само собой разумеющимися» (неосознаваемыми нами) нормами нашей культуры [19, с. 47-48].

Методы Гарфинкеля напоминают идею «остранения» В. Б. Шкловского. Он считал остранение важнейшей задачей искусства. Остранение должно разрушать автоматизм восприятия. Усваивая способы понимания значения своей культуры, мы привыкаем рассматривать предметы с одной привычной стороны, не замечая массу других значений. Автоматизм восприятия, писал Шкловский, съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны [20, с. 15]. Вот искусство и должно вернуть нам способность видеть другие непривычные значения привычных вещей. Эту задачу выполняет, скажем, изображение человеческих отношений глазами лошади в «Холстомере», или военного совета в Филях – глазами деревенской девочки в «Войне и мире». Эту же роль играют поэтические метафоры.

При этом мир значений любой культуры осваивается практически. Усвоение языка подготавливается развитием жизнедеятельности ребенка. Чтобы понять значения слов, ребенок должен осваивать формы жизнедеятельности, характерные для своего

общества, своей эпохи, своей социальной среды. Тогда предметы и явления будут приобретать для него определенное значение. На этой идее была основана практика работы Интерната для слепоглухонемых детей в советские времена в г. Загорске (сейчас – Сергиев Посад), которым руководил психолог А. И. Мещеряков. Программа эксперимента разрабатывалась с участием философа Э. В. Ильенкова, который описал его стратегию и результаты [21; 22]. Чтобы понять значение слова, например, «ложка», ребенок должен практически усвоить назначение предмета. Его нужно научить пользоваться ложкой. В результате, предмет приобретает значение, которое фиксируется в слове. Благодаря слову оно осознается. Практику работы этого Интерната можно считать практическим подтверждением подобной концепции. Предметы и явления окружающего мира приобретают для нас значение в связи с включением в разнообразные формы человеческой жизнедеятельности, которые мы осваиваем. Это значение фиксируется и осознается в языке. С этим, на мой взгляд, связана серьезная проблема, касающаяся искусственного интеллекта. Естественный язык, которому мы его будем обучать, будет оставаться для него искусственным, если он не будет связан с теми же формами жизнедеятельности, с которыми он связан у нас. То, что осваивается практически, вряд ли можно объяснить словами. То есть объяснить, конечно, можно, но вряд ли при этом будет достигнуто тождество смысла. Получается, что для обеспечения такого тождества искусственный интеллект должен жить той же жизнью, что и мы, со всеми ее принципиальными моментами – конечностью, телесностью, взрослением и старением, полом и т. д.

Центральный характер понятия значения в социально-гуманитарном познании препятствует перенесению в него естественнонаучных методов. Возьмем, к примеру, дискуссию о том, можно ли считать психоанализ примером объективной науки о человеческом поведении. Сам З. Фрейд склонялся к такой интерпретации: психоанализ как классическая естественнонаучная теория, которая позволяет психологии занять место среди естественных наук, доказывает, что разум и сознание – такие же объекты научного изучения, как и все остальное, что их исследование не требует никаких других источников знания, кроме систематического наблюдения и логики. Как наука, психоанализ отличается уверенностью в строгой детерминации психической жизни [23, с. 399-400; 22, с. 368]. При этом сам Фрейд считал искусством умение определить момент передачи пациенту знания о вытесненном. Здесь нам помогает интуиция, а не логика. Сcientistской интерпретации психоанализа как объективной науки мешает тот факт, что психоанализ работает с субъективными значениями событий, а не с событиями как набором некоторых объективных характеристик, открытых внешнему наблюдению. Основатель психоанализа писал о фантазиях пациента, что они, конечно, обладают психической, а не материальной реальностью. Но в мире неврозов решающей является как раз психическая реальность [23, лекция 23]. Против scientifistской интерпретации работает и определение психоанализа как *talking cure* (лечения разговором), которая дала ему одна из первых пациенток Фрейда [24, с. 349]. Разговор строится в поле значений. Задачей психоаналитической терапии является их переинтерпретация. Смешно говорить, что некое событие является травматическим просто как таковое (как удар или падение наносят физическую травму), вне отношения к Сверх-Я пациента, то есть к усвоенным им нормам и запретам морали и религии. Это отношение и формирует значение события. Анализ начинается не с наблюдаемого поведения, а с бессмыслицы, нуждающейся в интерпретации [25, с. 290-293]. Начало лечения и его успех конституируются самоинтерпретациями пациента, а не набором объективных данных. Поэтому более обоснованной представляется интерпретация психоанализа Ю. Хабермасом и П.

Рикером. Хабермас считал его глубинной герменевтикой текстов лжи и самообмана [\[26, ch.X\]](#). В конечном счете, задача психоаналитика – не просто докопаться до вытесненного, а вернуть знание о нем пациенту для того, чтобы он стал способен лучше и глубже понять самого себя, преодолеть внутренние конфликты и восстановить единство внутренней жизни. Психоанализ использует объяснительные методы, дает причинное объяснение неврозам, но в рамках герменевтической, а не технологической задачи. Целью объяснения является не практическое манипулирование (как в естественных науках, где мы познаем что-то, чтобы использовать в наших целях), а углубление самопонимания пациента.

Можно вспомнить, в качестве другого примера, ленинское определение революционной ситуации. Ее первый признак – обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов. Что это, как не набор значений? Если нет, мы должны быть способны зафиксировать обычный уровень нужды и бедствий. А для того, чтобы на основе этого закона предсказывать развитие событий, нужно бы еще определить, насколько этот уровень должен быть повышен (в каких единицах измерения?), чтобы началась революция.

В социологии существует знаменитая «теорема Томаса». Она звучит примерно так: то, что участники событий считают реальным, реально по своим последствиям [\[27, р. 572\]](#). У. А. Томас справедливо считал, что важны не только объективные характеристики какой-то ситуации, но и «определение ситуации» – то, как люди представляют ее себе. Ведь действовать они будут, исходя из своего определения ситуации – из того значения, которое они ей приписывают. Поэтому субъективное определение ситуации и будет иметь реальные последствия. Если мы считаем, что в стране кризис, мы и будем соответственно себя вести – перестанем добросовестно выполнять каждодневные обязанности и т. д. Что сделает кризис реальным. Р. Мертон называл это «самоосуществляющимся пророчеством» [\[28, с. 605-624\]](#). Значение, которое мы придаем социальным событиям и действиям других людей – не безобидная фантазия. Мы ориентируемся, принимаем решения, выбираем, как действовать, в мире этих значений. Именно этот момент, как мне кажется, подчеркивается в постмодернизме, когда речь заходит о том, что у нас нет доступа к некоей реальности самой по себе. Реальность, с которой мы имеем дело, всегда уже многократно кем-то осмыслена, означена, интерпретирована и т. д. Поэтому все, что окружает нас в мире – это значимые единицы.

Рассуждать о социальной и человеческой жизни, игнорируя значения, поэтому, беспersпективно. Такое признание, конечно, работает против сциентизации гуманитарного познания, нарушает единство научного знания. Но с этим вряд ли можно что-то поделать. Сторонники натуралистической линии в науках о человеке отталкиваются от классического образа науки, сложившегося после научной революции XVII в. Именно им руководствовались логические позитивисты, его имели в качестве идеала Дюркгейм и Скиннер. Но, как было показано выше, выдержать эту линию в конкретных исследованиях не удавалось и им. Рассуждая о человеческом поведении, мы все время сталкиваемся со значениями. Со значениями связаны наши реакции на социальные ситуации, на действия других людей, наши собственные действия формируются в поле значений. Надежды избавиться от значений – это надежды превратить людей как действующих лиц, как субъектов в обычный объект познания. Тогда человеческое поведение утратит целесообразный характер, наши действия превратятся в обычные события в мире, которым будет даваться каузальное объяснение. В принципе, рассматривать человека подобным образом возможно. Только вряд ли такого рода познание можно считать гуманитарным.

Библиография

1. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии, 1988, № 4, с. 135-152.
2. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избр. тр.: Пер. с англ. / Общ. Ред. Г. И. Рузавина и В. А. Смирнова. – М.: Прогресс, 1986. 600 с.
3. Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. 607 с.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
5. Frenkel C. Explanation and interpretation in History // Theories of History. Ed. by P. Gardiner. – Glencoe, Ill.: Free Press, 1959. 549 р.
6. Longman. Dictionary of Contemporary English. International Students Edition. 6th edition. L.: Longman, 1999. 1668 р.
7. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2002. 880 с.
8. Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии, 1995, № 10, с. 129-143.
9. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с французского А. Б. Гофмана. 4-е изд., испр. М.: Издательство Юрайт, 2019. 308 с.
10. Скиннер Б. Ф. Технология поведения // Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 30-46.
11. Carnap R. Psychology in physical language // Ayer A.J. (ed.) Logical Positivism. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1959. Р. 165-198.
12. Neurath O. Sociology and Physicalism // Ayer A. (ed.) Logical Positivism. Glencoe, Ill.: Free Press, 1959. Р. 282-317.
13. Новые направления в социологической теории / Пер. с англ. Общая ред. Г. В. Осипова. М.; Прогресс, 1978. 391 с.
14. Скиннер Б. Ф. Оперантное поведение // История психологии. XX век: [хрестоматия] / Ред. П. Я. Гальперин, А. Н. Ждан. М.: Академический проект, 2003.
15. Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго / Пер. с англ. М.: ACT, 2017. 413 с.
16. Полторацкий А., Швырев В. Знак и деятельность. – М.: Политиздат, 1970. 120 с.
17. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. Ред. И вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. 616 с.
18. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
19. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2007. 335 с.
20. Шкловский В. Б. О теории прозы. – М.: Советский писатель, 1983. 283 с.
21. Ильенков Э. В. Гегель и герменевтика (проблема отношения языка и мышления в концепции Гегеля) // Вопросы философии, 1974, № 8, с. 66-78.
22. Ильенков Э. В. Соображения по вопросу соотношения мышления и речи // Вопросы философии, 1977, № 6.
23. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М.: Наука, 1989. 455 с.
24. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. Вступ. ст. М. Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1989. 448 с.
25. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: «Academia-Центр», «МЕДИУМ», 1995. 415 с.
26. Habermas J. Knowledge and Human Interests. L.: Heinemann, 1972. IX, 356 р.
27. Thomas W. I. and Thomas D. S. The Child in America: Behavioral Problems and Programs. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1928. 583 р.
28. Мerton Р. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. М.: ACT:

Хранитель, 2006. 873 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой небольшое по объёму (0,6 а.л.), но весьма интересное рассуждение об отличии социально-гуманитарных наук от наук «естественных». Как следует уже из названия, автор связывает его с понятием значения. Название статьи вызывает у рецензента сразу несколько критических замечаний, и первое состоит в неоправданности использования в нём определения «основная» категория. Дело в том, что она, действительно, оказывается основной только в том случае, если мы говорим о различиях, о критерии различения, социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, но если мы говорим о собственном содержании социально-гуманитарного знания, то она, в лучшем случае, является лишь «одной из» множества принципиально важных для него понятий. Кстати, и сам автор называет в тексте статьи целый ряд других понятий социально гуманитарных наук, не менее важных, чем «значение». Возможно, это затруднение можно преодолеть, заменив «основная», например, на «специфическая». Впрочем, с точки зрения рецензента, предпочтительнее вообще было бы дать этому научно-популярному очерку (думается, именно так точнее всего можно определить его жанр) более конкретное название, поскольку реальное содержание текста, конечно, не соответствует столь широко и «фундаментально» сформулированной теме (даже если бы автору и в самом деле удалось доказать, что «значение» – «основная категория» социально-гуманитарных наук). Обратим внимание хотя бы на то, что автор опирается в статье на материал, главным образом, социологии и психологии. А другие гуманитарные науки? Если литературоведение представлено хотя бы знаменитым фрагментом из В.Б. Шкловского, то другие гуманитарные науки – вообще никак. Одним словом, автору предстоит решить, ограничится ли он в изменении названия корректировкой одного определения, но в этом случае в текст необходимо будет внести дополнительное содержание (объём позволяет сделать это), или всё-таки постарается найти более конкретную формулировку, которая будет отражать реальный предметный состав его примеров (которые играют здесь большую роль) и размышлений. Далее, в статье нет ни введения, ни заключения. Можно было бы сказать, что она вообще не структурирована, но в данном случае, поскольку, как уже отмечалось, статья представляет собой свободное размышление, может быть, разделять текст подзаголовками и в самом деле не требуется. Однако неформальные введение и заключение добавить всё же целесообразно, эти элементы статьи, как известно, «дисциплинируют» и автора (не позволяют слишком далеко отходить от поставленной задачи), и читателя. Хотелось бы также порекомендовать внести небольшие исправления в сам текст. Так, в первое предложение необходимо добавить уточнение – «в границах постклассической философии», например. Без подобного уточнения оно звучит просто странно, поскольку (если не обращать внимания на терминологические тонкости), указанная «идея» была представлена в европейской философии и культуре с глубокой древности – у Аристотеля, Боэция, Бэкона и т.д. Собственно, каждая эпоха в истории культуры задумывалась над этой проблемой. Далее, следует избавиться от выражения «причинные законы», мало того, что оно не соответствует русской стилистике, так оно ещё и недостаточно определённое по своему содержанию, нуждается в нетривиальных пояснениях. Наконец, хотелось бы порекомендовать автору пересмотреть приводимые

им примеры и цитаты, некоторые из них (например, упоминание фрагмента повести М.А. Булгакова или цитата из Жижека) вряд ли уместны в научной статье. Однако даже с учётом высказанных замечаний статья имеет очень хорошие перспективы для публикации в научном журнале, самое главное, автору необходимо осуществить выбор варианта изменения названия и, соответственно, корректировку содержания текста.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Значение как категория социально-гуманитарного познания: к вопросу о специфике наук о человеке»

Предметом исследования представленной статьи является вопрос о принципиальном различии гуманитарных наук («наук о духе») от естественных. Автор ставит вопрос о том, меняется ли что-то принципиально, когда предметом познания становится не природа, а человек и общество, издавна ставившие в философии. Дискуссии на эту тему интенсифицировались в XIX в. Связано это, в частности, с тем, что в этом столетии психология и социология, которые до этого были скорее разделами философии, обрели статус самостоятельных конкретных наук. Установление каузальных законов является одной из важнейших задач науки, которую естественные науки так или иначе выполняют. Но формулировка каузальных законов человеческого поведения, как неоднократно отмечали философы и социологи после Вильгельма Дильтея, является гораздо более сложной задачей, вряд ли вообще осуществимой. Психология, социология и метафизика имеют дело с настолько сложными объектами, что выделять в этих сплетениях разнообразных сил однозначные связи между отдельными факторами невозможно.

Методология исследования включает такие общенаучные подходы, как дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, наблюдения, синтеза. Автор опирается на исторический метод, рассматривая эволюцию взглядов философов на вопрос о различиях и сходстве гуманитарных и естественных областей науки. Отталкиваясь от идей В. Дильтея, автор рассматривает понятие «значение», которое Дильтей называл важнейшей категорией исторического мышления.

Вопрос о различиях между гуманитарными и естественными науками продолжает оставаться актуальным и в XXI в. В этом контексте анализ категории «значение» заслуживает внимания в связи с этими дискуссиями, которые продолжились и в XX-XXI вв.: такой анализ способен внести вклад в рассмотрение вопроса о специфике социально-гуманитарного познания.

Научная новизна обусловлена тем, что автор рассматривает понятие значения, которое он связывает с понятием цели. Значения – это новая сторона действительности, которая появляется в мире, где есть целесообразно действующие существа. Предметы и ситуации приобретают для таких существ определенное значение по отношению к их целям. Целесообразно действующими существами являются, конечно, не только люди, но и животные. Для них предметы и явления также имеют то или иное значение, которые люди осознают, а животные – нет.

Анализируя специфику социально-гуманитарного познания, автор выступает против натуралистического подхода к социально-гуманитарному познанию, который стремится оставить в науках о человеке и обществе исключительно каузальные объяснения.

Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура

соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту. Библиография содержит 28 источников, в которых рассматриваются вопросы по теме статьи. Однако можно было обратиться к трудам отечественных исследователей Степановой О.И., Смирновой Н.М., Ткачевой М.Л. и др., опубликованные в последние годы.